

Е.В. Медведева

**ВИЛЬНЮССКИЙ ТЕКСТ МАКСА ФРАЯ:
СПОСОБЫ, СРЕДСТВА И РЕЗУЛЬТАТЫ ОБЪЕКТИВАЦИИ
ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; yelena_medvedeva@mail.ru*

Аннотация. Изучение города как текста культуры на материале литературных произведений принято связывать с выявлением его «внутреннего смысла», «чувства» и/или основной «идеи». Понимая под объективацией фиксацию авторского восприятия городского пространства в художественном тексте, необходимо задаться вопросом о способах и языковых средствах, позволяющих превратить мыслеформу в целостный, зримый, в некоторых случаях почти осязаемый образ и обуславливающих возможность передачи авторского видения города читательской аудитории. В качестве материала для исследования в данной статье выбран цикл «Сказки старого Вильнюса» Макса Фрая как один из наиболее развернутых городских текстов, созданных в ХХI в., где характеристики реального города комбинируются с авторским вымыслом, в результате чего возникает художественный образ городского пространства, значительно отличающийся от своего прототипа. Для проведения исследования был выбран метод лингвостилистического (с элементами лингвосемиотического) анализа, позволивший выявить не только вербальные, но и визуальные способы и средства объективации города в художественном произведении. Как показал анализ, специфика цикла сказок обусловлена его композицией, с одной стороны, и сочетанием вербального и визуального способов авторской объективации — с другой. Последние реализованы с помощью языковых средств разных семиотик, однако они дополняют друг друга для создания образа города, где реальное оказывается неразрывно связано с вымышленным, чудесным, мистическим. В результате делается вывод не только о возможности обогащения городского сверхтекста за счет создания литературного образа города, но и о потенциале нового художественного образа, способного обеспечить будущее развитие реального городского пространства.

Ключевые слова: текст города; городской текст; город как текст культуры; городское пространство; семиотика города; литературный образ города; городские исследования; объективация; вильнюсский текст; Макс Фрай; Вильнюс; литературное продвижение; продвижение территории.

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-1-14

Медведева Елена Вячеславовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; yelena_medvedeva@mail.ru

Для цитирования: Медведева Е.В. Вильнюсский текст Макса Фрая: способы, средства и результаты объективации городского пространства // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2023. № 1. С. 160–169.

Феномен города как текста культуры в настоящее время является объектом изучения двух взаимодополняющих научных направлений: урбанистического, трактующего городское пространство как гетерогенный текст из семиотически разнородных элементов (природно-ландшафтных, архитектурных, урбанистических и др.), и литературоведческого, сконцентрированного преимущественно на художественных текстах о том или ином городе, в совокупности образующих городской свертхтекст. Основную цель таких исследований сформулировал еще один из основоположников концепции «город как текст культуры» Н.П. Анциферов в работе, посвященной петербургскому тексту, где он стремился «наметить основные пути, на которых можно обрести “чувство Петербурга”, вступить в проникновенное общение с гением его местности» [Анциферов, 1922: 5]. Об этом же читаем и у В.Н. Топорова, изучавшего «внутренний смысл Петербурга, самую глубочайшую его идею» [Топоров, 2009: 25]. В работах современных ученых предпринимаются попытки сформулировать message городского текста (ср. «О чем этот город?» у Л.Ю. Салмина) или выявить его «культурную субстанцию» (термин Т.М. Дридзе).

Одним из самых развернутых городских текстов, созданных в XXI в., является цикл «Сказки старого Вильнюса», изданный в семи томах под авторством вымышленного персонажа — Макса Фрая (псевдоним писательницы С.Ю. Мартынчик). Название цикла сразу сообщает читателю о его жанровой принадлежности: речь идет о сказках, точнее — о литературных городских сказках, каждая из которых, по выражению Л.Ю. Брауде, представляет собой «произведение, в котором волшебство, чудо играет роль сюжетобразующего фактора» [цит. по: Ковтун, 1999: 298-299], и реалистичные поначалу истории, разворачивающиеся в пространстве современного города, внезапно или постепенно приобретают большую или меньшую степень фантастичности. В соответствии с выбранным жанром автор уделяет особое внимание описанию пространства, где происходят сказочные события, что заставляет задуматься о способах и средствах объективации¹ города в художественном тексте, т. е. о превращении авторского представления о городе в объект,

¹ Объективация — «превращение материального или духовного явления в объект путем его фиксации или создания репрезентирующей модели» (Философия и методология науки. Терминологический словарь-справочник 2017. URL: <https://terme.ru/termin/obektivacija.html> (дата обращения: 18.08.2022)).

целостный художественный образ, способный транслировать авторское видение читательской аудитории.

Необходимо отметить, что в первых трех томах «Сказок», вышедших в издательстве «Амфора» (2012–2014) содержатся не только тексты, но и авторские фотографии, дополняющие литературный образ города и способствующие более точной передаче взгляда автора на городское пространство и описываемые события². Таким образом, очевидно, что в создании художественного образа г. Вильнюс в «Сказках» задействованы два способа объективации: вербальный и визуальный. Для выявления же языковых средств создания образа был выбран комплексный метод лингвостилистического (с элементами лингвосоциологического) анализа, использование которого позволило исследовать цикл сказок в единстве всех семиотических языков (см.: Задорнова, 1984). Данный вид анализа, последовательно применяемый к вербальной, а затем к визуальной составляющим на семантическом уровне (исследовании языковых единиц, использованных автором), далее на метасемиотическом уровне (изучении сочетаний единиц и нового образного, коннотативного содержания), позволяет на последнем этапе — метаметасемиотическом уровне — проникнуть в авторский замысел и выявить идейно-образное наполнение произведения.

На семантическом уровне вербальные средства объективации городского пространства в вильнюсском тексте Макса Фрая могут быть распределены на несколько тематических групп. Так, композиционной основой для всего цикла становится система урбанонимов: сюжеты отдельных сказок разворачиваются в строго определенных городских локациях, а потому содержание каждого из семи сборников формирует четкую систему пространственных координат. Авторский композиционный замысел вполне четко сформулирован уже в аннотации к первому тому «Сказок»: *«В центре города Вильнюса ровно сто восемь улиц. И если ходить по ним достаточно долго, то есть почти каждый день на протяжении нескольких лет, на некоторых улицах можно стать свидетелем удивительных историй. А на некоторых — даже их участником»*³. Позже к названиям улиц добавляются и наименования других элементов городского ландшафта (переулков, проспектов, площадей, скверов, рынков, мостов). В результате складывается довольно своеобразный городской текст, базирующийся на урбанонимии города Вильнюс, где каждая сказка, входящая в его состав, озаглавлена двояко: сна-

² Тома IV–VII (Издательство АСТ) снабжены рисунками Р. Мазгуновой, которые, однако, носят сугубо иллюстративный характер, не могут быть рассмотрены как дополнение к плану содержания сказок, а потому не были задействованы при проведении исследования.

³ Фрай М. Сказки старого Вильнюса. Т. I. СПб., 2012. С. 4.

чала следует обозначение локации на русском и литовском языках, а затем, собственно, название, например: *Улица Кривю (Kriviu g.) Халва в шоколаде*. Отметим, что в ряде сказок встречаются и авторские новации — несуществующие урбанонимы, обозначающие вымышленные городские объекты (улица Синих Звезд, улица Лисьих Лап, Вчерашняя улица, площадь Трех Ветров⁴ и т.д.).

Не менее важную тематическую группу составляют единицы, характеризующие топографические особенности города: две *реки* (Вильняле и Нерис), их *берега, холм* Гедиминаса и пр., становящиеся местом действия и / или сюжетообразующими факторами в некоторых сказках. Примечательно, что автор прибегает к описанию реальных свойств объектов, но интерпретирует их в художественном ключе, что способствует образному восприятию городского пространства. Так, сугубо физическая характеристика реки Вильняле — цвет воды, обусловленный глинистыми отложениями на дне, становится одной из особенностей ее переменчивого характера: «*Вода в реке сегодня и правда переливается всеми оттенками янтаря. Но Вильняле не всегда такая рыжая. У нее каждый день что-нибудь новенькое*»⁵. Дополнительным вымышленным элементом вильнюсского ландшафта оказывается море, которого нет в Вильнюсе, но на ощущение близости которого автор указывает в нескольких сказках: «*на улице Субачюс есть один большой двор, в дальнем конце двора стена, и когда проходишь мимо, спеша по своим делам, точно знаешь, что там, за стеной море*»⁶.

Лексика природно-климатической группы в анализируемом городском тексте содержит несколько ключевых компонентов, среди которых особенно важными представляются *туман, дождь и ветер*. Это — явления, в целом, соответствующие климатической зоне, где расположен город Вильнюс, однако в «Сказках» они часто наделяются дополнительной сюжетообразующей функцией и по воле автора оказываются способны вызывать миражи, трансформировать реальность и / или открывать порталы в параллельные фантастические пространства. Некоторые из этих явлений (например, ветер) имеют свои особые разновидности, наиболее ярко проявляющиеся на территории Вильнюса или становящиеся специфичными именно для данного географического пространства: «*Черный ветер всегда начинается в сумерках и дует, где хочет, но в этом городе чаще, чем в прочих местах <...>. Когда дует Черный ветер, мир выворачивается сновидениями наружу, время останавливается, вечность приходит в движение и все становится возможным, а каждый человек — тем,*

⁴ См.: Фрай М. Сказки старого Вильнюса. Т. II. СПб., 2013. С. 344–345.

⁵ Там же. Т. I. СПб., 2012. С. 168.

⁶ Там же. Т. IV. М., 2016. С. 399.

для чего он рожден»⁷. В отдельных случаях природные явления, наблюдаемые на территории сказочного Вильнюса, совершенно нетипичны для Вильнюса реального (например, Хава Шимали — аравийский северный шквалистый ветер, Вардар — холодный и сухой северо-западный ветер в районе города Салоники и пр.). Их появление в повествовании оказывается еще одним сюжетообразующим приемом, основанным на олицетворении: так, ветер может заблудиться или прилететь в город вслед за любимым человеком.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют, что прием соположения реального и вымышленного, включение в почти документальное описание локаций и маршрутов фантастических, сказочных элементов является одним из основных в цикле сказок, что выявляется уже на семантическом уровне анализа. Сказанное подтверждают и особенности лексической группы, связанной с инфраструктурой города, в которую входят как уже упомянутые компоненты (*улица, площадь, проспект, мост*), так и дополнительные: *дорога, дом, двор, кафе, галерея, ярмарка, виды транспорта* и др. При этом, например, рассказывая о типичных вильнюсских дворах, автор несколько раз вводит в повествование и фантастические «дворы, вывернутые наизнанку» и особый «Каталог незапертых дворов», являющиеся важными деталями и / или сюжетообразующими факторами в некоторых сказках. В дополнение к этому и транспорт воображаемого Вильнюса периодически включает возможность перемещения на трамвае, *«хотя никаких трамваев в Вильнюсе нет с двадцать шестого года <...>. А жаль! Трамвай — единственное, чего не хватает этому городу для полного совершенства»*⁸.

Не останавливаясь подробно на стилистических приемах, использованных в «Сказках», тем не менее на метасемиотическом уровне анализа необходимо отметить, что к наиболее частотным из них можно отнести метафору, олицетворение, эпитет, градацию и другие средства создания образности, например: *«Долго ловили грозу, она не давалась в руки, наконец-то поймали, собрались нести домой, но гроза в самый последний момент изловчилась, ужалила молнией и убежала в небо, весело грохоча»*⁹. Особо следует выделить роль упомянутого выше приема соположения реального и вымышленного, еще более усиливающегося в контексте: *«Куклы в витринах сувенирных лавок кивали ему как старому приятелю, птицы на ветках деревьев переговаривались человеческими голосами, хоть и на незнакомом языке, а из-под ног время от времени выпрыгивали пестрые рыбы и, блеснув на солнце зеркальной чешуей, снова по-*

⁷ Фрай М. Сказки старого Вильнюса. Т. II. СПб., 2013. С. 170.

⁸ Там же. С. 340.

⁹ Там же. Т. VII. М., 2018. С. 275.

грузались в булыжную мостовую, как в воду»¹⁰. В некоторых случаях данный прием реализуется за счет разнообразной языковой игры. Так, столкновение прямого и переносного значений слова позволяет автору превратить окно в стене здания в окно в параллельный мир и построить на этом сюжет сказки: «<Луиза Захаровна> поворачивалась к окну, теоретически выходящему во внутренний двор, заставленный автомобилями и мусорными баками, зеленый летом, заснеженный зимой. Но <...> у Луизы Захаровны с реальностью всегда был отдельный договор. Сегодня за окном бушевала развеселая Сайдарьяльская весна — время, когда расцветают не только деревья и травы, но даже фонарные столбы»¹¹.

Визуальный способ объективации пространства, как уже упоминалось, реализован с помощью авторских черно-белых фотографий вильнюсского городского пейзажа. Известно, что фотография как «сообщение без кода» является единственным видом изображений, который способен передавать буквальную информацию, ведь «любая фотография поражает нас очевидной констатацией: все это было именно так» [Барт, 2015: 47], а потому носит характер визуального документа и вызывает наибольшее доверие к изображенному. Иначе говоря, для создания визуального образа автор вновь задействует реалистичную, документальную основу, однако затем трансформирует ее, за счет чего изобразительный образ города приобретает вымышленные, фантастические черты. Так, в первом томе «Сказок» 17 снимков выполнены без использования спецэффектов и демонстрируют читателю реальный город Вильнюс. При этом 30 фотоиллюстраций призваны усилить авторский вымысел, передать ощущение переменчивости, непостоянства, текучести городского пространства, в соответствии с чем выполнены с использованием визуальных приемов, позволяющих создать второй, «надстроечный» план в изображении города:

- использование световых эффектов (высветление одних объектов и затемнение других);
- создание необычной композиции кадра;
- совмещение / наложение кадров друг на друга;
- съемка отражений объектов в воде или в зеркале;
- съемка через мокрое или заиндевевшее стекло;
- съемка движущегося объекта, который «расплывается» на снимке, становится призрачным, как бы «тающим в воздухе».

Отметим, что изображение на фотографии редко совпадает с содержанием сказки, которую оно иллюстрирует. В основном задействованы объекты городского пространства, отмеченные выше в

¹⁰ Там же. Т. V. М., 2016. С. 382.

¹¹ Там же. С. 242.

тематической группе «инфраструктура города». Иными словами, автор не столько иллюстрирует текст, сколько целенаправленно фокусирует внимание читателя «Сказок» на городском ландшафте, создает визуальный образ города, одновременно с помощью дополнительных визуальных приемов добиваясь усиления эффекта двоящегося пространства, его зыбкости, иллюзорности, тонкой границы, отделяющей реальный город от вымышленного.

Сопоставление результатов, полученных при анализе вербальных и визуальных средств объективации в вильнюсском тексте Макса Фрая, на метаметасемиотическом уровне показывает, что главным героем всего цикла сказок является город Вильнюс, в качестве самостоятельного персонажа принимающий участие в художественном повествовании, влияющий на мысли и поступки действующих лиц, нередко в корне меняющий их жизнь. Выбранные автором способы и средства нацелены на создание образа городского пространства, внезапно меняющего свои характеристики, текущего, постоянно трансформирующегося: *«в Люсиной голове превосходно уживались десятки одновременно сосуществующих Вильнюсов, почти не пересекающихся, но каким-то удивительным образом сливающихся в один многомерный город»*¹².

Таким образом, исследование способов и средств объективации городского пространства в «Сказках старого Вильнюса» позволяет говорить о ее довольно специфическом характере: будучи композиционно построенным на четкой системе пространственных координат, цикл сказок изобилует описаниями городского пространства, выполненными с помощью вербальных и визуальных языковых средств, за счет чего основа художественного образа приобретает документальный характер. Однако одновременная объективация реальных и вымышленных черт города, взаимодополняющих друг друга в повествовании, использование разного рода дополнительных средств создания образности (вербальных и визуальных) позволяет зафиксировать в цикле сказок литературный вариант городского пространства, постоянно предстающего перед читателем в разных ипостасях: то ничем не примечательной «столицы бывшей советской республики»; то необыкновенного, красивого, притягательного города; то территорией, обладающей уникальной, волшебной, а потому притягательной для жителей и гостей города атмосферой; то места, исцеляющего от болезни и / или даже спасающего от смерти.

Очевидно, что результатом создания цикла сказок следует признать в первую очередь возрождение и развитие вильнюского сверткста в русской литературе, не слишком богатого и — в силу исторических и политических причин — некоторое время находив-

¹² Там же. Т. I. М., 2012. С. 192.

шегося в забвении. В этой связи необходимо упомянуть о том, что анализ художественных и автодокументальных текстов, созданных на русском языке в 40–80-е годы XX в. показал, что в образе Вильнюса «комбинируются черты “другого” пространства, окрашенного умеренной экзотикой принадлежности к литовской национальной и западноевропейской культуре, и пространства “своего”, к элементам которого относятся фигуры и эпизоды революционной и национально-освободительной борьбы, русской национальной истории и истории культуры» [Лавринец, 2014: 63]. Аналогичное «сдвигание» пространства позволило выявить и анализ «Сказок», только в XXI в. речь идет о комбинировании в целостном образе города черт «своего» (реального) и «другого» (вымышленного). Здесь реальность и вымысел существуют на равных и, переплетаясь, взаимодополняя друг друга в повествовании, создают литературный вариант города, в котором узнаваемые локации приобретают фантастические черты, а повседневная будничная жизнь оказывается насыщена чудесами.

Важно и то, что художественная литература позволяет сделать вымышленное объективно существующим для читателя, единственно правильным «реальным миром». Вымысел позволяет создать эмоционально-насыщенный, привлекательный образ пространства, насытить его образными компонентами, имеющими дополнительную психологическую ценность для читателя. В этой связи уместно вспомнить о том, что, по В.В. Абашеву, художественное произведение способно влиять на территорию, с которой оно связано. Более того, новые семантические константы городского пространства, созданные автором, «становятся доминирующими категориями описания места и начинают по существу программировать этот процесс в качестве своего рода матрицы новых репрезентаций» [Абашев, 2000: 11-12]. Иначе говоря, объективация авторского взгляда на город в литературном (и шире — любом художественном) произведении может сыграть важную роль в осмыслении территории того или иного города, формировании отношения к нему у широкой аудитории — внутренней (резидентов) и внешней. При этом писатель оказывается способен «переформатировать» городскую действительность: наполнить новыми смыслами существующие фрагменты городского пространства, создать предпосылки для возникновения новых феноменов или, по крайней мере, привлечь внимание читателя к определенным городским локациям и / или их характеристикам, что обуславливает складывание новой (в полном смысле — авторской) сети городских семантических констант.

Наконец, к результатам создания вильнюсского текста Макса Фрая следует также причислить и возможность литературного продвижения города. Отметим, что подобные примеры относительно редки, однако циклы книг Дж. Даррелла о Корфу и П. Мейла о Про-

вансе за счет создания притягательного художественного образа территории послужили популяризации соответствующих регионов, обусловили возникновение своеобразной моды на них и способствовали увеличению туристических потоков. Представляется, что «Сказки» вполне определенно обладают аналогичным продвигающим потенциалом, хотя художественный образ Вильнюса Макса Фрая и отличается от концепции продвижения города, предложенной и реализованной в рекламных кампаниях 2018–2019 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абашев В.В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000.
2. *Анциферов Н.П.* Душа Петербурга. Пг., 1922.
3. *Барт Р.* Третий смысл. М., 2015.
4. *Задорнова В.Я.* Восприятие и интерпретация художественного текста. М., 1984.
5. *Калуцков В.Н.* Концептуализация географического пространства: ономастические аспекты // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 57–69.
6. *Ковтун Е.Н.* Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа. М., 1999.
7. *Лавринец П.М.* Присвоение Вильнюса в русской литературе // Уральский исторический вестник. 2014. № 3 (44). С. 63–69.
8. *Морозова М.М.* Зарубежная литературная география: основные направления исследований // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 2. С. 150–156.
9. *Топоров В.Н.* Петербургский текст. М., 2009.

Elena V. Medvedeva

MAX FREI'S TEXT OF VILNIUS: THE WAYS, MEANS AND RESULTS OF URBAN SPACE OBJECTIVIZATION

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; yelena_medvedeva@mail.ru

Abstract. Studying the city as a text of culture on the material of literary works is usually associated with the identification of its “inner meaning”, “feeling” and / or the main “idea”. We proceed from understanding objectification as fixation of the author’s perception of urban space in a literary text which leads us to the question of the ways and linguistic means that allow turning the thoughtform into a holistic, visible, in some cases almost tangible image determining the possibility of transmitting the author’s vision of the city to the readership. “Tales of Old Vilnius” by Max Frei has been chosen as a source for the research because it can be regarded as one of the most interesting urban texts which have appeared in the 21st century, where the characteristics of the existing city are combined with the author’s fantasy, as a result of which there appears a literary version of urban space which differs greatly from its invariant. The methods of linguostylistic analysis (with elements of linguosemiotic analysis) have been chosen, which enable us to reveal not only verbal, but also visual ways and means of objectivization of the city in fiction. As the analysis has shown, the specifics of the Tales are stipulated by its composition and the combination of verbal and visual ways of author’s objectivisation: they are imple-

mented with the help of linguistic means of different semiotics, however, they complement each other in the process of creating the image of the city, where the real and the imaginary are closely connected. As a result, it can be concluded that not only the urban supertext can be enriched by the creation of a new literary image of the city, but that the new fictional image as well has the potential to foster the real future development of urban space.

Key words: urban text; text of the city; city as a text of culture; urban space; semiotics of the city; literary image of the city; urban studies; objectivisation; Max Frei; Vilnius.

For citation: Medvedeva E.V. (2023) Max Frei's text of Vilnius: the ways, means and results of urban space objectivization. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. XX–XX. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Medvedeva — PhD in Philology, Associate Professor, Department of Area Studies, Lomonosov Moscow State University; yelena_medvedeva@mail.ru

REFERENCES

1. Abashev V.V. 2000. *Perm' kak tekst. Perm' v russkoi kul'ture i literature XX veka* [Perm as a text. Perm in Russian culture and literature of the twentieth century]. Perm', izd-vo Permskogo un-ta. (In Russ.)
2. Antsiferov N.P. 1922. *Dusha Peterburga* [The Soul of St. Petersburg]. Petrograd, Brokgauz i Efron. (In Russ.)
3. Bart R. 2015. *Tretii smysl* [The Third Sense]. Moscow, Ad Marginem Press. (In Russ.)
4. Zadornova V.Ya. 1984. *Vospriyatie i interpretatsiya khudozhestvennogo teksta* [Perception and interpretation of a literary text]. Moscow, Vysshaya shkola. (In Russ.)
5. Kalutskov V.N. 2020. Kontseptualizatsiya geograficheskogo prostranstva: onomasticheskie aspekty [Conceptualization of geographical space: onomastic aspects]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 57–69. (In Russ.)
6. Kovtun E.N. 1999. *Poetika neobychnogo: Khudozhestvennye miry fantastiki, volshebnoi skazki, utopii, pritchi i mifa* [Poetics of the extraordinary: Artistic worlds of fiction, fairy tale, utopia, parable and myth]. Moscow, izd-vo MGU. (In Russ.)
7. Lavrinets P.M. 2014. Privoenie Vil'nyusa v russkoi literature [Appropriation of Vilnius in Russian literature]. *Ural Historical Bulletin*, no. 3 (44), pp. 63–69. (In Russ.)
8. Morozova M.M. 2020. Zarubezhnaya literaturnaya geografiya: osnovnye napravleniya issledovaniia [Foreign literary geography: the main directions of research]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 150–156. (In Russ.)
9. Toporov V.N. 2009. *Peterburgskii tekst* [Petersburg text]. Moscow, Nauka. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.09.2022;
одобрена после рецензирования 05.10.2022;
принята к публикации 12.10.2022

The article was submitted 05.09.2022;
approved after reviewing 05.10.2022;
accepted for publication 12.10.2022